

ПАМЯТЬ

АКШИН БАБАЕВ

Из цикла «Маленькие листья»

ВСЕГО ЛИШЬ КАПЛЯ

Когда Медина собралась в аэропорт, уже наступила ночь. Самолет прибывал в три утра. Мысленно она упрекала Фуада: «Ну куда такое годится? Каждый раз из Москвы возвращается ночным рейсом. Как будто дневного нет! Когда спрашиваю, говорит, что не хочет никого беспокоить. Решила теперь каждый раз ездить в аэропорт и встречать его. Честно говоря, мне эти его московские командировки порядком надоели. Чуть что – сразу в Москву. Устала я. Меня не интересуют ни его докторская, ни его достижения в сфере кибернетики. Хочу, чтобы всегда рядом был. Потому что люблю его, очень. А он? Он тоже. Раньше думала, что так никого и не встречу. А потом все быстро как-то произошло. Встретила Фуада, он посватался, я согласилась. Хороший он человек. Но почему-то одно мое желание никак не выполнит. Мне очень хочется, чтобы он подарил мне куклу. А он лишь смеется. «Ты что, маленькая?» Ой, как я хочу, чтобы он сегодня, как выйдет из самолета, подарил бы мне красивую куклу». Медина размечталась и не заметила, что уже добралась до аэропорта. Глаза ее светились. На губах играла улыбка. Она радовалась. Фуад не поверит своим глазам. Ночью, одна, она приехала в аэропорт, чтобы встретить его.

Ей вспомнился их последний разговор.

– Быстро возвращайся, слышишь?

– Слушаюсь.

– Быстро.

– Слушаюсь.

– Ты только говоришь «слушаюсь». Недельная командировка затягивается на полмесяца.

– А что мне делать? Не получается. Научная работа это. Закончу докторскую, распрощаемся с такими командировками.

– Хорошо, подожду.

– Ладно, что тебе привезти из Москвы?

– Куклу. Красивую куклу. С золотыми волосами, с большими глазами. С маленькими губками. С пухлыми ручками. В нарядном платьице.

– Когда ты перестанешь просить куклу? Ты же не маленькая...

– Ну очень хочется мне, Фуад. Очень хочется, чтобы ты привез мне оттуда куклу.

– Ну, хорошо...

– Ты каждый раз обещаешь, но не привозишь. В этот раз...

– Хорошо, куплю. Который сейчас час? Опоздаю вдруг.

– Давай я тоже с тобой поеду.

– Не нужно. Не за границу еду...

– Встретить приеду.

– Не говори глупостей. Ночью возвращаюсь. Скажу по телефону, когда. Ключ с собой. Не волнуйся.

...Самолет ночного рейса приземлился. Сначала объявили по громкоговори-телю. Потом пассажиры стали спускаться по трапу. Вскоре на выходе показался Фуад и не поверил своим глазам. Среди встречающих была Медина. Сначала он обрадовался, потом нахмурился, когда приблизился, вместо приветственных слов сухим и несколько раздраженным тоном спросил:

- С кем приехала?
 - Одна.
 - Как одна?
 - Просто одна. А моя кукла... Купил?
 - Эх... Будто других дел больше не было.
- Когда сели в машину, тем же тоном Фуад спросил:
- Может, случилось что? Дома все в порядке?
 - В порядке.

Глаза Медины заблестели. Но она сдержала слезы. Водитель включил радио. Полилась музыка. Ни Медина, ни Фуад не проронили ни слова.

Медина мысленно вернулась в свои детские годы. Когда началась война, ей было пять лет. Как и всем детям военного времени, ей было не до игрушек, не до кукол. Она тоже рано повзрослела. Превратилась в серьезного, задумчивого ребенка. Потом пошла в школу, помогала во всем матери. Не было у Медины детства из-за войны. Не было детских радостей. Она часто оглядывалась назад, пыталась найти свое детство. А оно превратилось в маленькую куколку и в школьном ранце стало сопровождать ее повсюду. И в университетские годы эта куколка тоже не бросила ее. Во время лекций Медина иногда открывала свою сумку, любовалась ею, украдкой посылала воздушные поцелуи и радовалась, как ребенок.

Когда добрались до дома, Фуад взял Медину за руку.

- Обиделась, что ли?
- Нет, – ответила Медина, – не обиделась.

Утром, когда Медина собирала в сумку ученические тетрадки и готовилась пойти на работу в школу, где работала учительницей, Фуад еще сладко спал. На мгновение Медине показалось, что этот богатырского телосложения мужчина совершенно чужой ей человек, какой-то незнакомец. Ей снова захотелось вернуться назад, в детские годы. «У Фуада скоро защита докторской. Только мне ничего этого не нужно. Не нужно! Ничего! Я только хочу его внимания. Хочу его вниманием вернуть свое потерянное детство. Самое обычное внимание! Эх... я тоже странная. За каждую мелочь цепляюсь. Ведь я люблю Фуада. Он же мне не чужой. Он ведь мне самый родной, дорогой человек. А кукла, что такое кукла? По сравнению с нашей любовью кукла всего лишь капля. Вот именно, всего лишь капля! Из-за одной капли ничто не разрушится. Ничто, ничто!»

Только Фуад не знал того, что и море вырастает из таких капель.

АЙВОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Ни один листок не шевелился. Уходящие ввысь тополя казались написанными рукой художника. Ариф открыл обе створки окна и увидел на улочке пожилую пару. Оба тяжело передвигались. «Как хорошо, что родителей отвезли на дачу. Они бы такую жару не перенесли».

Шла последняя неделя июля. Дачники давно уже сбежали за город, у кого не было дач, разъехались по курортным местам. В городе остались те, кто работал, и те, у кого не было средств на курорт. Семью Ариф отправил в деревню, у друга был там дом. Сам остался в городе. Готовил себе. Когда было лень готовить, питался в ресторанах и закусочных. А возвращаясь домой с работы, каждый раз себе говорил: «Надо бы проведать родителей. Совсем я совесть потерял. Пока они в центре жили, как-то получалось все. А как переехали в Ахмедлы... Прямо с глаз долой, из сердца вон. Эх... Только я ведь без вины виноватый. Целый завод на мне, не шутка. Только и слышишь: доставь, обеспечь. Не знаю, я директор трубопрокатного завода или завода «доставь-обеспечь». Ладно... Хорошо, что мир не без добрых людей. Не без

таких, как Солтан... Хотя он мне и двоюродный брат, а как родной, приехал, забрал родителей к себе на дачу отдохнуть. Да, Солтан лучше меня, надежнее. На свою дачу я в свое время не накопил. Хорошо, что есть Солтан! Надо бы на дачу эту выбраться, надо бы родителей проведать...».

Зазвонил телефон. Ариф ответил. Это был Энвер. Его заместитель.

– Что дома делаешь?

– Умираю от жары. Что еще можно делать в такую жару?

– А что кондиционер себе не поставишь?

– Начнут судачить.

– Да ладно, люди вон себе самолет покупают, и ничего. На работе есть кондиционер, а дома нет. Так и заболеть недолго.

– Да мало осталось, скоро конец этой жары.

– Ну нет, это же Баку, Баку... Теплым денькам у нас до ноября время есть. Ну ладно, скажи, что собираешься делать?

– Ничего. А что?

– Да друг у меня один есть. Позвонил, заедет скоро за мной. Говорит, поехали на дачу, гульнем. А я знаю, что ты один, вот решил и тебе позвонить. Поехали: и поужинаем, и развеемся.

Арифа это приглашение очень даже устроило. Ему сейчас лень было даже подумать, что нужно себе готовить ужин, а потом еще посуду мыть.

– Ну? – торопил Энвер.

– Ладно...

– Тогда жди, подъедем, посигналим.

– Договорились.

«Эх, Ариф, предатель ты. Гулять собрался, а к родителям так и не собрался. Как назло, где именно эта дача двоюродного брата, толком ведь и не знаю. Сказал, что в Загульбе. По телефону приблизительно описали. Ну ничего, мой водитель еще тот проныра, найдет. Завтра же после работы накуплю продуктов, поеду к ним. Нельзя ведь так». За ним заехали. Когда тронулись в путь, вечерняя прохлада ворвалась в салон автомобиля через открытые окна, Ариф забыл обо всем и успокоился: «Я тоже человек, имею право один раз отдохнуть». По дороге говорили обо всем. О погоде, о природе, дороговизне, болезнях... Друзья Энвера работали в торговле. Один был начальником обувной базы, другой рядом с моргом держал шашлычную.

– К кому на дачу едем? – спросил Энвер.

– Есть у меня друг один, в Загульбе. К нему на дачу едем.

– У моего двоюродного брата тоже есть дача в Загульбе, – откликнулся тут же

Ариф. Его словам никто не придавал значения.

Тот, кто вез к своему другу на дачу, сказал, что хозяин дачи сейчас сам в Кисловодске. Дачу на это время отдал ему. Вот, когда ему вздумается, он и ездит на эту дачу покутить, отдохнуть, иногда ночует там, иногда возвращается в город.

Машина остановилась перед закрытыми воротами. Боковая дверь в воротах тоже была закрыта. Тот, кого Энвер называл другом, начал яростно стучать кулаком по двери и кричать:

– Эй, мужик, эй, мужик, эй...

В ответ не раздалось ни звука. Колотивший по дачной дверце не сдавался, продолжал колотить и кричать...Наконец издали послышался голос:

– Иду.

– Чтоб тебе пусто было, чтоб тебя разорвало, идет он. Шевелись давай.

– Сторож? – спросил Энвер.

– Нет, родственник друга. Он за деревьями, за дачей смотрит, а жена его мне еду готовит. В прошлый раз нас пятнадцать человек здесь было. Отлично покутили тут, ели-пили, гульнули.

Ворота дрогнули и начали медленно открываться.

– Что за дела, мужик? Давай, давай, живенько. Пошел к машине, из багажника взял бастурму, отнес в дом, разжег мангал, живенько...

В раскрытых воротах стоял кареглазый старик. Ариф бросился вперед:

– Отец?

– Добро пожаловать, сынок.

Все удивленно переглянулись. Все, кроме Арифа. Он смотрел на видневшиеся за оградой дачного участка айвовые деревья. Вспомнились ему услышанные в детстве слова одного старца:

– От айвы этой одно лишь название, одно лишь название.

СПИСОК

Большой мастер доживал последние дни. Врачи не стали скрывать, сказали ему прямо, что в запасе у него совсем мало времени осталось.

В доме никого не было. Он тяжело приподнялся, встал, умылся, заварил себе чай, вдруг поспешно оделся, чтобы выйти из дома. Он знал, что если жена вернется сейчас домой с продуктами, то ни за что не отпустит его на работу. Позвонил. За ним прислали машину. Задыхаясь, поднялся по лестнице. Открыл дверь своего кабинета на втором этаже, вошел.

Хороший у него был кабинет, нарядный. Он окинул взглядом стены, кресла, поднял глаза на люстру. Ему тяжела была не только та мысль, что скоро надо будет расстаться с жизнью, женой и детьми, но и этот кабинет представить без себя было выше его сил.

Немного спустя вошел его заместитель. Спросил о самочувствии и протянул большому мастеру список, который был у него в руках.

– Пятнадцатого вручаются награждения. Нужна ваша подпись. Если кого-то считаете... или кого-то хотите... Ваша воля.

Большой мастер внимательно изучил список. Изменился в лице. Схватил ручку и зачеркнул в списке одно имя так, что продырявил бумагу.

– Заново распечатай!

Заместитель выпалил «будет сделано» и побежал выполнять.

– Еще раз напечатай! – сказал он, бросившись к сидящей за компьютером девушке.

Девушка печально качнула головой. Поняв, чем именно она недовольна, заместитель склонился к ней и тихо сказал:

– Доченька, а давай ты не будешь вмешиваться в такие вещи.

Девушка не сдержалась:

– Несправедливо это. Вычеркнутый и есть самый достойный.

Заместитель сказал что-то сквозь зубы. Девушка не поняла.

Заново распечатанный список заместитель торжественно положил перед большим мастером. Тот внимательно просмотрел, подписал и удовлетворенно про себя сказал: «Вот так вот, задам тебе жару, поганец».

Похожие на два высохших колодца впавшие глаза его сверкнули.

Из кабинета понесло зловонием.

ОДИН ШАГ

Явер дал себе слово: жить как все. Не лезть из кожи вон из-за каждого, как мама говорит, встречного-поперечного. Только слово свое держать не умел. Кто бы ни обратился к нему, позабыв обо всем на свете, сломя голову опять бежал на мощь.

Дома ждали его и беспокоились мама и жена Зулейха. Алхас мал еще был, ничего не понимал. Был бы повзрослее, наверное, как мама и бабушка, тоже бы беспокоился.

Вчера Явер вернулся домой поздно. Зулейха на него обиделась, мама тоже. В этот раз задержался он потому, что сидел у постели заболевшего коллеги. Зулейха как узнала, что заболевший товарищ по работе никто иной, как Вагиф, только и сказала в сердцах:

– Ты и правда чудак. Уже и забыл, сколько гадостей он тебе сделал.

– Нет, почему забыл, не забыл, – тихо ответил Явер и невольно положил руку на сердце.

– Что, что случилось? – всполошилась Зулейха.

– Ничего!

– Опять сердце?

– Пройдет.

– Не иди к врачу, не лечись. Лучше беспокойся о других!

Последние слова Зулейхи будто ключиком сверкнули в мыслях Явера. Он взял этот ключик, открыл дверцу воспоминаний и шагнул им навстречу.

Первой была тетя Амина. Ее сбила машина. Бессовестный водитель трусливо скрылся. Явер остановил попутку и отвез тетю Амину в больницу, потом навещал ее, пока она не выписалась. Явер работал в редакции газеты. Кроме зарплаты, получал еще гонорары за свои материалы. Весь свой месячный гонорар он потратил тогда на тетю Амину. Зулейха расстроилась: «В больницу отвез. Потом проведать бы ее раз-другой и все дела. У тебя же тоже семья есть. На те семьдесят, что ты в больнице оставил, я бы в дом что-нибудь купила. Ты получаешь двести, я восемьдесят. А квартплата, а коммунальные, а в гости кто придет, а мы пойдем...».

Следующим был Гамбар. В самые тяжелые для его семьи минуты рядом был Явер. Чего только не сделал тогда Явер для Гамбара. Не для своей семьи, а для его детей из кожи вон лез. А еще был такой Ахад-киши. Он внезапно и скоропостижно умер. Его сына Явер на ноги поставил. На работу устроил. Сколько он тогда времени и усилий потратил на сына Ахада-киши, сколько порогов обил...

Зулейха выключила свет, Явер отпустил воспоминания и попытался уснуть, только сердце все ныло. Ночью вызвали неотложку, отвезли его в больницу. Когда забрезжил рассвет, Явер подумал, что все его многочисленные друзья-товарищи, родственники и знакомые скоро ринутся гурьбой в больницу, чтобы навестить его. Поэтому первым долгом решил встать с койки и привести себя в порядок, умыться, причесаться. Медсестра увидела, как он пытается встать.

– Эйвазов! Вам запрещено вставать!

Явер расстроился.

– Ладно. Будь по-вашему. Что поделаешь...

Вечером после работы зашла его проведать Зулейха, принесла с собой продукты, домашнюю еду. Она долго сидела у его койки, отвечая на его нескончаемые вопросы.

– С работы кто-то звонил?

– Джахангир...

– Так значит, на работе знают, что я в больнице?

– Конечно!

– И в какой именно, тоже знают?

– Конечно!

– Кто-то звонил из родных-знакомых?

– Я звонила. Сказала Расиму, Ровшану, Лятифу... Только вот такова жизнь...

– Нравится тебе поспешные выводы делать. Терпение имей. Вечер только наступил. Придут еще проведать...

Зулейха ушла. В больничных палатах приглушили свет. Явер все никак не мог уснуть и все размышлял: «Надо же... Странная штука жизнь. Кто-нибудь все равно придет, меня навещат, знаю. Но мне важно было сегодня, чтобы сегодня же. Я в первый раз попал в больницу. Сам, как только слышал, что кто-то в больнице, все бросил и мчался навещать. Все думал, если хоть на день опоздаю, неудобно будет, стыдно. Да уж, век живи, век учись. Эта моя больничная койка хорошим пробным камнем стала, правильно говорят, что жизнь нас учит. Ну вот, Явер, теперь и ты живи как все, стань обычным человеком. Зулейха права. Все, стану другим человеком. Вот даже если кому-то в этой самой палате что-то нужно будет, отвернусь лицом к стенке и сделаю вид, что мне все равно».

Лежавший на соседней койке старик пару раз кашлянул и спросил:

– Что, сынок, не спится?

– Не спится...

– Переживаешь, поэтому не спится. Слышал я твой разговор с женой. Не пришел никто... Ну и не надо. Думаешь, ко мне кто-то приходит? Никто, кроме жены, не приходит навещать. Жена мне и вместо матери, и сестры, и друга...

– Нет, не согласен я с вами, – Явер приподнялся, – у каждого свое место есть. Я вот всю жизнь, забывая себя, о других заботился, о других больше думал. Только не буду больше. Хватит с меня самоотверженных поступков. Буду обычным человеком.

Старик опять откашлялся.

– Чтобы обычный человек совершил самоотверженный поступок, порой нужно сделать всего один шаг. От заурядности до самоотверженности тоже всего один шаг. Не стоит отказывать людям в этом одном шаге. И еще дам совет: никогда не жди ответного добра за сделанное добро.

– Да что вы! Я совсем о другом. Я говорю, что...

Явер оборвал себя на полуслове. На противоположной койке задышался больной.

– Ему кислородная подушка нужна! – вскрикнул старик.

Явер бросился из палаты в коридор. Дежурной медсестры не было на месте. Он поискал глазами кислородную подушку, оглядел ее пустующий стол. Быстро поднялся на второй этаж. Там тоже ничего не нашел. Спустился вниз. Перешел в соседний корпус больницы. Первое, что бросилось в глаза, была кислородная подушка. Он с ликуванием схватился за нее, как ребенок, радуясь своей находке, быстро вернулся в палату, спас больного. Медсестра и врач тоже прибежали, но гораздо позже. А старик смотрел на Явера и довольно смеялся:

– Ну что? А говорил, больше никаких самоотверженных поступков!

Черные глаза Явера искрились радостью. Он сегодня сделал доброе дело. Протянул руку помощи тому, кто в этом нуждался.

ЧАСЫ

Часовщик с изумлением уставился на меня.

– Что с вами?

– Ничего, – ответила. Комок стоял в горле.

– Вот, смотрите, какие из этих часов вам нравятся, возьмите взамен... С каждым ведь может случиться такое. Ну, потерял. Сколько дней уже ищу. Наконец сегодня решил: скажу правду. И вас совестно уже утруждать. Каждый день приходите... и бледная вы какая-то... Ведь те часы....

Я не знала, что сказать часовщику. Не знала, как сказать. Правду скажешь... Смогла бы? Оттого, что скажу, мои часы найдутся?

Часовщик все еще таращил на меня глаза и безостановочно говорил:

– Мне страшно неловко. Никогда не попадал в такую ситуацию. Ума не приложу, как могло со мной такое случиться. Вы принесли часы в конце рабочего дня. Торопился я очень. Положил в карман. Может, выронил где. Может, кто и взял, но не признается, теперь как найдешь?

– Я вас умоляю. Скажите, сколько нужно, я заплачу. Только верните мне мои часы. Пусть испорченные. Пусть разбитые.

Слезы закапали из глаз. Достала платок. Отвернулась. Вытерла слезы.

Широкоплечий, с горящими глазами часовщик весь будто в клубочек сжался.

– Значит, потерялись, – жалостливо протянула я.

Снова не смогла удержаться, снова закапали слезы.

– Потерялись, – уныло подтвердил часовщик. – Я вас, правда, понимаю, наверное, это подарок был. Понимаю вас...

Я резко отвернулась, выбежала на улицу. Пальцы у меня были холодные, как лед. Мысли мои были о любимом. Почему его подарок потерялся? Он сейчас, наверное, дома. Говорит, смеется. Перед глазами своей озорной дочурки, наверное, держит часы и говорит:

– Посмотри на часы... Посмотри, который час уже. Ну-ка, за уроки.

А часы тикают, тикают... Кто же нашел мои часы? У кого они теперь? Почему они потерялись, мои часы, почему?!

АЙТЕН АКШИН

Памяти писателя

23 ноября 1936 – 10 июня 2020

«Жизнь каждого человека – книга». Этими строчками поэт, прозаик и драматург Акшин Бабаев открывает свой автобиографический роман. Опубликовал он его пять лет назад. Свою книгу назвал «На пороге потустороннего мира» (O biri dūnyanın astanasında, 2016).

Потусторонний мир... Тот свет... Как оно там?

Тот мир занимал его мысли не меньше, чем этот – насыщенный событиями, неожиданный крутыми поворотами, ошарашивающий предательством и завистью одних, возвышающий верностью и любовью других, наполненный радостью и горечью, надеждой и безысходностью.

Он рос в атмосфере недомолвок и недосказанности, происходивших в стране и в республике, трагедий большого террора. Детство совпало с голодным военным временем, молодость выпала на период оттепели, расцвет сил пришелся на застойные годы и перестройку, а зрелость – на период развала СССР и независимость Азербайджана.

В одном из интервью он как-то сказал: «Жизнь огромна, насыщена, ее не вместить в одну книгу». Он и не пытался: опубликовал сорок книг научного и художественного содержания, множество учебных, публицистических статей и очерков. Когда его спрашивали, как все совмещает, ведь трудно быть одновременно общественным деятелем, ученым, журналистом, преподавателем, писателем, переводчиком, – улыбался и говорил, что это у него наследственное, от отца, который тоже обладал недюжинными талантами. Молодежи, правда, настоятельно советовал: «Выберите одну область, следуйте по одному пути. Тогда вы сможете достичь желаемого».

Он любил и досконально знал всю азербайджанскую литературу. У него была феноменальная память. Подняв вверх правую руку, с дикцией, которой могли бы позавидовать многие актеры, он мог без остановки читать наизусть отрывки из поэм корифеев азербайджанской поэзии, декламировать стихи абсолютно разных, но одинаково любимых азербайджанских и турецких поэтов. Его первые шаги на литературном поприще тоже были поэтическими.

Он писал стихи всю жизнь. Со школьных лет. Долго не решался опубликовывать. Когда вышел в свет его первый поэтический сборник «Попросил глоток воды...» (Bir icim su istədim..., 2002), он уже был известным прозаиком и драматургом. Эпиграфом к этому сборнику он взял строчки Назыма Хикмета, с личностью и творчеством которого была связана вся его жизнь: «Говорить о себе «Я – поэт», это все равно, что кричать на каждом углу «Я – хороший человек». К этим словам всемирно известного турецкого поэта он, будучи сам признанным назымоведом, добавил следующие строчки: «Я не поэт. Здесь собраны лишь чувства моей души и сердца».

Он был поэтом. Во всех смыслах. Путь поэта и был его тот самый один путь, который он когда-то давно, еще будучи школьником, выбрал, которому подспудно следовал всю жизнь. И в каких бы жанрах ни звучало его журналистское, художественное, публицистическое и научное слово, оставался прежде всего поэтом. Последнее, что он успел написать, были тоже поэтические строчки.

В большую литературу он пришел из журналистики. Это определило его слог. Емкий, краткий, в точку. Он опускал лирические отступления и прямые высказывания, раскрывающие авторское отношение к своим героям и описываемым событиям.

Несмотря на солидный преподавательский стаж за спиной, никогда не сочетал художественность с проповедью. Часто повторял: «Читателя не нужно утомлять». И бесконечно доверял своему читателю, верил в то, что тот сам выстроит образ.

Эту особенность письма Акшина Бабаева, его особенные, доверительные отношения с читателем отметил народный писатель Азербайджана Мирза Ибрагимов: «Каждая из небольших новелл затрагивает один из уголков человеческого сердца, одну сторону нашей богатой, разнообразней жизни, одну чувствительную струну нашего духовного мира. Давайте прислушаемся к струне, звучащей в душе прекрасной Медины из новеллы «Всего лишь капля». Сначала отмечу то, что писатель никак не описывает внешность Медины. Не говорит, что она красива, нежна, легко ранима. К этим мыслям приходим мы сами, читая новеллу. Каждое слово, поступок, жест Медины создает в наших глазах живой образ прелестного, очаровательного, милого человека».

Основной проблемой, которая занимала его всю жизнь, была проблема взаимодействия личности и общества. Через призму этого взаимодействия решались и звучали по-новому в его художественном мире проблемы любви, жизни и смерти, социальной справедливости, раскрывались темы безумия общественного и личного, страха перед новой действительностью, велась открытая война с чиновничеством и обывательщиной (повести «Мужчины жили мало», «Словесная пуля», романы «Землетрясение», «Конец света», повесть «Тупик», пьесы «Раны», «Некролог», «Готовь деньги», «Приглашение», «Подлинная история», «Юбилей сатаны» и многие другие).

Тематика творчества писателя, будь то прозаические, лирические или драматургические произведения, была обширной. С конца восьмидесятых годов доминантные в его творчестве темы памяти, национального единения, патриотизма, свободы наполняются новым звучанием. Карабахская трагедия и боль звучат в его лирике, прозе, драматургии, очерках и выступлениях. Это многочисленные поэтические предостережения и воззвания, символические названия («Предатели», 1988, «Испепелишься», 1989, «Проснись, народ!», 1990). По силе и оригинальности жанрового решения выделяется в этом ряду его документальная повесть «Выпавшее на нашу долю», азербайджанское название которой (впрочем, как и во всех случаях) звучит лучше – «Başımıza gələnlər», 1994.

Он не находил себе покоя. Боролся словом. Никогда не соглашался с бытовавшим в ту пору мнением, что о Карабахской боли писать пока рано. Часто высказывал это в своих выступлениях и в печати: «Некоторые говорят, что писать художественные произведения на тему проблемы Нагорного Карабаха рано, нужно, чтобы время прошло. Я не согласен с этой мыслью. Разве в годы второй мировой войны такие наши талантливые мастера слова, как Самед Вургун, Сулейман Рустам, Расул Рза, Ильяс Эфендиев, Энвер Мамедханлы, писали свои произведения не в самый разгар огненных военных дней?»

Можно представить себе, как был бы он счастлив, доживи до освобождения Азербайджаном своих земель от оккупации, как скорбел бы по шехидам и чтил память героев.

Свою малую прозу он любовно называл «Маленькими листьями» (Kicik yapraqlar). Маленькие листья писательского древа интересны и занимательны. В них иначе, чем в лирике, драматургии и большой прозе раскрывается литературное дарование тонкого наблюдателя и знатока человеческих душ.

Острый интерес к внутреннему миру своих героев, психологическая манера письма сохраняются и в малой прозе. Прозаик остается верен поэтике простоты и характерной для его творческого мира концепции художественной правды. Открытые финалы, монологический принцип повествования, эпизодичность, фрагментарность, сюжетная незавершенность не являются приемами, а становятся структурным принципом его малой прозы. Пропуская множество подробностей в описании событий и конкретных героев, он в то же время уделяет намного больше внимания небольшим, и на первый взгляд малозначительным деталям. В результате именно эти малозначительные детали обретают особую смысловую нагрузку, начинают тяготеть к поэтическому обобщению, переходят в символ.

Получающиеся моментальные портреты, карикатуры и шаржи, выходящие из-под его пера, становятся живыми и узнаваемыми («Айвовые деревья»). Новеллы уже в названии заключают в себе ассоциации, например, с чашей терпения, которой зачастую хватает одной капли, чтобы переполниться («Всего лишь капля»), или с разными в разное время списками («Список»), ведь росчерком пера вершились человеческие судьбы. Субординационный идиотизм, существующий вне зависимости от общественного строя и находящийся в унисон с низменной стороной человеческой сущности, всегда был объектом острой сатиры писателя Акшина Бабаева. Но он вновь доверяет читателю, знающему то, что достойные поступки совершаются достойными людьми, верит в то, что читатель обязательно задумается над тем, как сам герой рассказа достиг «больших» высот. Его миниатюры отличает писательская способность ничего не рассказывая, поведать историю так, что отпадает необходимость в объемистом романе («Часы»), или без пафоса и нравоучений напомнить о простых истинах, сохраняющих меру человеческого в человеке («Один шаг»).

Он часто рассказывал один эпизод из своего послевоенного детства (есть он и в его автобиографическом романе под названием «Хлебные годы»). Простояв однажды в очереди за хлебом так долго, что на город уже опустились сумерки, он возвращался домой с полагающимся по карточке хлебным пайком, поверх которого бережно нес доставшиеся в тот день крошки и маленькие кусочки хлеба. Шел снег. Он поскользнулся и уронил один из кусочков хлеба. Долго потом в темноте лихорадочно искал этот кусочек, разгребая руками снег. Он нашел тогда этот самый кусочек. Но эпизод с хлебной крошкой, который он в страхе искал в темноте, чувства, охватившие его тогда, остались с ним на всю жизнь. Важным в этих воспоминаниях был внутренний, не по-детски строгий приказ – найти, существенным – отдать. Непременно отыскать, найти, но ни с тем, чтобы торопливо съесть самому, а с тем, чтобы донести до ближнего.

Этим ценностям он оставался верен всю жизнь. На поиски этой крошки, этого маленького кусочка отправляет он и своих героев, наблюдая за тем, сумеют ли они найти, отыскать, получится ли у них донести, не потерять, догадаются ли отдать.

В потерянной крошке хлеба – ключ к символам малой прозы писателя, к ее новеллистике. Символом в его художественном мире становится все, что угодно. Одно слово, один жест, один шаг, росчерк пера, капелька, часики, пес у входа, шарф, кривые очки, снег, один глоток воды. Абсолютно разные, эти символы одинаковы в одном: с них начинается новый отсчет. Это отсчет начала конца. Дружбе, любви, вере, надежде, всему тому добру и хорошему, на чем держится жизнь, в которой важно не растерять главного и не потеряться самому.

Его как-то спросили, какая из тем главная в его творчестве. Он ответил так же емко, как писал: «Жизнь».

Он очень любил жизнь, со всеми ее радостями и печальями. Часто сокрушался: «То, что хочется еще сказать, больше того, что уже написано». Много и интенсивно работал, многое успел опубликовать, многое осталось незавершенным.

Говорят, что смерть уносит лучших. Правильно говорят, потому что после них остаются достойные поступки, мудрые слова и добрая, светлая память. Оберегать и чтить эту Память – долг живущих.